

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Охотник и Красная Шапочка

ЭРИКА АДАМС

Эрика Адамс

Охотник и Красная Шапочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625442

SelfPub; 2019

Аннотация

Никогда не думала, что придётся вернуться в эту богом забытую дыру. Но ради того, чтобы наказать обидчиков любимой бабули, я пойду на всё. Даже если для этого придётся приручить мерзкого по нраву Охотника. Ха! Он просто ещё не знает, с кем ему придётся иметь дело! Я могу станцевать на кончике иглы, которую дьявол держит двумя пальцами. Неужели я не совладаю с обыкновенным мужланом? В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Аманда	4
Глава 2. Аманда	11
Глава 3. Аманда	16
Глава 4. Аманда	23
Глава 5. Охотник	30
Глава 6. Охотник	35
Глава 7. Аманда	39
Глава 8. Аманда	47
Глава 9. Охотник	54
Глава 10. Аманда	60
Глава 11. Охотник	63
Глава 12. Аманда	69
Глава 13. Аманда	74
Глава 14. Аманда	81
Глава 15. Охотник	83
Глава 16. Аманда	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1. Аманда

– Аманда! Ты не можешь так поступить!.. Пошёл всего пятый день премьерного спектакля... Мы на пике. И сейчас... О Господи... Это безумие! Почему именно сейчас? Я не понимаю.

Манфред обмахивался плотным листом бумаги. Это была программа спектакля. Золотые буквы на красном, витые вензеля...

– Вот и я не понимаю, Манфред. Кому могла помешать моя милая бабуля? – я щёлкнула пальцем по письму, не давшему мне покоя со вчерашнего вечера, – она была сущим ангелом.

– Какая разница, Аманда! Ты уже давным-давно покинула ту убогую дыру. Не всё ли равно тебе, что там происходит? Посмотри на себя – ты звезда, королева, Богиня!..

– Я знаю, Манфред. Не стоит петь мне хвалебные оды в надежде на то, что я изменю своё решение.

– Пятый день премьерного спектакля! – не сдавался Манфред, трясясь за моей спиной, – если ты не выйдешь, это будет катастрофа. Скандал!

– Мой милый толстячок. Не ты ли говорил, что нет лучшей рекламы, чем хороший скандал? Мы уже проделывали этот фокус не один раз. А потом ты срывал полные кассы и не знал, по каким банкам рассовать золотишко – так много

его оказывалось. Я не выйду танцевать сегодня на сцену. И точка.

– Герцог Вильгельм Аугсбургский сегодня на представлении.

– И что с того? – я аккуратно стирала броский макияж, глядя на себя в зеркало, – он сидит на каждом моём представлении.

– Петер, принеси цветы! Живо!.. – крикнул Манфред в коридор.

Раздался топот ног и через минуту Манфред втискивал в тесное пространство гримёрной огромный букет алых роз.

– От герцога, – произнёс он так благоговейно, словно сам выращивал эти розы.

– Пф-ф-ф... Скучно! Вели унести их. От аромата роз у меня может разболеться голова.

– Здесь конверт с запиской.

– Какой ты надоедливый!..

Я протянула руку в сторону, зная, что Манфред, желая мне угодить, сделает всё, даже попытается пройтись колесом, лишь бы уболтать меня выступить на сцене.

О да, сейчас он зависит от меня в большей степени, чем я от него. Времена, когда я часами обивала пороги театров с просьбой хотя бы взглянуть на мой танец, остались давно в прошлом. Чуть меньше пяти лет минуло с момента, когда я по шесть-семь часов простаивала под проливным дождём, дожидаясь своей очереди. Тогда мне едва удалось уговорить

Манфреда посмотреть на меня хотя бы одним глазом. Успех пришёл не сразу. Поначалу на меня навесили кричащий ярлык «похабщина» – слишком откровенно для балета, слишком зажато для прочих танцуплек.

Но год-полтора упорной работы в том же направлении – и мы взлетели над этим скучным стадом серых обывателей, изумлённо блеющих вслед моей восходящей звезде. Сейчас для меня не представляло никакой сложности небрежно распахнуть двери любого из театров и навязать свои условия, но по старой памяти я держалась за Манфреда и его театр, значительно преобразившийся с тех пор. Сейчас он был одним из самых крупных и престижных во всем герцогстве.

Я развернула конверт с записочкой.

«Мечтаю припасть к твоим ногам. Отель Золотая Куница, номер 318. Сегодня после полуночи».

Я подавила зевок скуки. Поначалу ухаживания герцога мне льстили. Мужчиной он был видным и щедрым, но вскоре он мне приелся. Как чересчур пресное блюдо. А ещё мне не нравилось, что он считал нужным черкануть пару строк так, будто я должна была благодарить до конца дней своих лишь за его внимание. И драгоценности, подаренные им, шепнул внутренний голосок. Парочка изумительных ювелирных комплектов из золота с россыпью бриллиантов и изумрудов, около десятка чудных брошей и перстней, красота которых поражала воображение. Да. И что с того?..

– Ничего нового я там не увидела.

Я без всякого сожаления разорвала сложенный вдвое листок кремовый бумаги.

– Герцог Вильгельм Аугсбургский сегодня на представлении не один.

Манфред выдержал многозначительную паузу, будто собирался объявлять перед толпой о моём выступлении.

– С супругой.

– Хм... Вот как. Хочу на это взглянуть.

Я потянулась и встала.

– Халат, Манфред.

Манфред поспешил исполнить просьбу и накинул мне на плечи роскошный алый халат. Шёлк несколько не грел. В коридорах театра в нём было чертовски холодно. Но халат смотрелся на мне безумно красиво. Алый шёлк струился по телу, словно живой. Я выскользнула из гримёрной и подошла к выходу.

– Центральная ложа, – услужливо подсказал Манфред, вкладывая мне в руку театральный бинокль, – сушёная рыба сегодня прифрантилась.

Я коротко рассмеялась. Иногда в речи Манфреда проskalзывали словечки, больше подходящие уличной шпане, чем отпрыску театральной династии. Кто знал, был ли он на самом деле тем, кем представлялся? Вдруг и он, подобно мне, создал себя сам?

Я поднесла бинокль к глазам и посмотрела в указанном направлении. Супруга герцога сидела с идеально выпрям-

ленной спиной, будто проглотила палку. Сухие, худые пальцы сжимали веер так сильно, что он вот-вот мог раскрошиться у неё в руках.

– Неужели модистка не может подсказать супруге герцога, что жёлтый ей совершенно не к лицу? Она и без того не может похвастать красотой, а жёлтый придаёт ей болезненный вид.

– Да-да, – хихикнул Манфред, потирая ладошки.

О моей связи с герцогом не болтал только ленивый или глухонемой, как и о необъявленной войне между мной и супругой герцога. Она не посещала ни одного моего спектакля, какой бы фурор он ни производил в высшем свете. А я игнорировала её пресные благотворительные вечера, ставшие своего рода визитной карточкой города, куда многие считали за честь быть приглашёнными. Факт, что супруга герцога явилась на пятый день премьеры, приятно тешил самолюбие.

– Теперь ты понимаешь, что ты не можешь не выйти на сцену, – тянул своё Манфред.

Я обернулась, смотря на него сверху вниз: пухлые щёки тряслись от волнения, взгляд карих, навывкате глаз напоминал взор голодного уличного пса. Я потрепала его по щеке и поправила парик, немного сползший влево.

– Теперь я точно не выйду!

– Но почему?! – воздел к небесам руки Манфред, – она запустит ядовитый слухок, что ты испугалась её присутствия.

– О нет, дорогой!.. Все будут шипеть по углам только о

том, что супруга герцога, придя на мой спектакль, получила щелчок по носу. Как там она говорила? «Всего единственный раз замазывается просмотром непотребной пляски?» Для того чтобы посмотреть на меня в танце, ей придётся притащить свою задницу сюда не единожды.

– Дева Мария и все святые угодники! – прислонился к стене Манфред, – Ами, ты разобьёшь мне сердце!..

– Вот только не надо напирать на давнюю дружбу и давить на жалость. И прекрати называть меня Ами. Я уже давно не девчонка с улицы.

– Да? А я бы сказал, что ты дрянная девчонка, которой нужна хорошая взбучка!..

Я рассмеялась.

– Посмотрела бы я на того, кто осмелился это сделать... Но с меня хватит бесполезного трёпа. Вели подать экипаж к чёрному ходу. И не возражай. Чем быстрее я разберусь с убийством бабули, тем скорее вернусь в Аугсбург.

Манфреда словно ветром сдуло. Я вернулась в гримёрную и посмотрела на себя в зеркало. Один глаз всё ещё был вызывающе накрашен. Но на сцене макияж смотрелся гармонично. Сейчас моё лицо было условно разделено на две половинки. С одной стороны на меня смотрела холодная, стержневая красавица. С другой я видела юную девушку, у которой умерла любимая бабуля. Но обманываться мягкими чертами лица не стоит. Я могу станцевать на острие иглы, которую сам дьявол держит между двух пальцев. Неужели я не

смогу отыскать тех, кто разорвал на части мою бабулю?..

Глава 2. Аманда

Шлёп-шлёп-шлёп. Стоит вытащить одну ногу из грязи, как вторая утопает в ней по самую щиколотку. Прекрасно. Туфли можно выкидывать. И где, чёрт побери, носильщики или хотя бы мальчишки на побегушках? Тащить на себе чемоданы я не намерена! Вижу слоняющегося без дела паренька и подзываю его к себе. Монетка, брошенная мной, прячется в грязной ладони и мгновенно перебирается в карман штанов.

– Куда? – шмыгая носом, спрашивает мальчуган.

На мгновение я задумываюсь. Какая из гостиниц всё ещё держится на плаву? «Перо лебедя» или «Три кота». Кажется, гостиница «Перо лебедя» была рангом повыше.

– «Перо лебедя».

– Дык это... Сгорела. Ещё год назад.

Я вздыхаю – жить мне в клоповьем царстве.

– Тогда в «Три кота», если эта гостиница ещё не закрылась.

Мальчишка довольно кивает и, разом зацепив все мои чемоданы, бодро шлёпает по грязи в расхлябанных башмаках. Я следую его примеру, оглядываясь по сторонам. За годы моего отсутствия не изменилось ничего. Абсолютно. В пейзаже лишь добавилось обветшалости и уныния. Глядя на убогие, кривые домишки и людей, согбленных к земле, сразу вспомнила, почему я так рвалась покинуть этот богом забытый го-

родишко. Наверное, творец повернулся спиной к детям своим из этого поселения или отчаялся вытаскивать из грязи унылых людишек городка Вольфаха. Нет, стоит только один раз взглянуть на эти серые, морщинистые лица, чтобы навсегда проникнуться отвращением к малой родине.

– Чёрт!

Мальчишка обернулся.

– Чёрт!

Теперь туфли точно можно выкидывать! По улице бродили голодные шавки с брюхами, прилипшими к спине от голода, но гадили они знатно. Нет, я точно выкину эти туфли. Немедля! Не хватало мне ещё таскать на подошвах своих туфель собачье дерьмо.

– Постой.

Я присела на край фонтана, переставшего быть таковым ещё когда я жила здесь.

– Поддай мне вон тот чёрный чемодан с золотыми заклёпками.

Мальчишка проворно исполнил просьбу. Я, морщась от отвращения, стянула испорченные туфли. Наверняка было безумством надевать в дорогу именно их – модные, безумно красивые, отороченные бархатом, но... непригодные для путешествия. Я раскрыла чемодан и достала оттуда пару сапог из светло-коричневой кожи. Высокие, до самого колена, на тоненьком, но устойчивом каблуке. Наверное, они – это самое подходящее, что я могу найти в своём дорожном гар-

деробе. Я подобрала юбки и всунула изящную ножку в сапог, поставив её на бортик фонтана. Остаётся только зашнуровать.

Всем своим телом я чувствовала скользящие по мне взгляды местных жителей. Так, одна нога уже переобута. Осталось совершить то же самое со второй. Процедура вновь повторилась.

Стоило мне подобрать юбки, как послышались приглушённые возгласы. О да, на этот раз уже все собравшиеся успели рассмотреть точёные икры и красные чулки. Не торопясь, зашнуровала сапог, оправила юбки и оглядела собравшихся. В глубине потухших глаз мужчин загорелся огонёк если не похоти, то предвкушения. Женщины завистливо вздыхали и одёргивали вниз латанные-перелатанные передники на своих платьях.

– О! Rotkappchen! – послышался знакомый голос.

Я обернулась: ко мне с распростёртыми объятиями спешил толстяк Густав, приходившийся мне каким-то дальним дядюшкой. Не успела я и слова возразить, как он прижал меня к своему объёмному животу, сминая модный удлинённый жакет.

– А ты только похорошела! Едва узнал... Rotkappchen! – добродушно посмеивался Густав, напоминая мне о любви к красному.

В то время, пока я жила у бабушки, единственным ярким пятном в моей одежде была красная шапочка, которой я

безумно гордилась и дорожила. Вот и прицепилось прозвище – Rotkappchen.

– Как видишь, Густав, кое-что не меняется.

Я поправила изящную шляпку (разумеется, красную), приколотую к высокой причёске.

– Куда направляешься?

– Хотела бы заселиться в гостиницу.

– Тьфу! Клопов кормить и хлебать помой? Разве я могу бросить свою племянницу в таких условиях? Нет, моя сладкая! Ты отправляешься к нам...

Отлично! Хоть с жильём на время проблем не возникнет. Я иду за дядей Густавом, приподнимая юбки под пристальными взглядами нескольких десятков зевак, позади мальчика тащит чемоданы. Дядя Густав не замолкает ни на мгновение: его громкий голос разносится едва ли не на всю улицу. Изредка он оборачивается ко мне: белые пушистые усы и красное лицо от жара печей. Нет, он ничуть не изменился, лишь добавилось седых волос и морщин в уголках глаз.

Дом пекаря Густава тот же, крепкий и добротный, лишённый изящества, но постоянно открытый для родных и близких. Жена Густава, Анна, семенит мне навстречу, восторженно охая, порывается обнять, но в последнее мгновение останавливается, проводя рукой по дорогой ткани верхней одежды.

– Мои охломоны уже пристроены, почти все. Так что мо-

жешь выбирать любую из комнат на втором этаже, – гудит дядюшка Густав, распахивая поочерёдно двери пустующих спален. Я останавливаю свой выбор на небольшой комнатке, окна которой выходят не на серый городишко, а устремлены проёмами прямоком в лес.

Меня оставляют наедине с собой, чтобы я могла привести себя в порядок после долгой дороги. Правда, для того чтобы умыться, приходится спускаться и плескаться в деревянной лохани. Я вздыхаю – чемоданы и без того были полны, потому пришлось обойтись без излишеств в виде нескольких видов мыла. Один непримечательный брусочек, слабо пахнущий лавандой, вот и всё. Хорошо, хоть парфюм не занимает много места...

Да, здесь в Вольфахе не изменилось почти ничего. Я понимаю это, замечая Андерса, прислонившегося спиной к дверному косяку моей спальни. Светлые волосы зачёсаны назад по моде, канувшей в прошлое ещё несколько лет назад. Крупные руки глубоко засунуты в карманы клетчатых брюк, ворот рубашки распахнут, обнажая золотистые курчавые волосы на груди.

– Привет, кра-а-асотка...

Глава 3. Аманда

– Какими судьбами, Аманда? – задаёт Андерс следующий вопрос, лишая возможности ответить даже на первый.

– Привет, Андерс. Может быть, уберёшь ногу с порога?

Андерс стоит так, что одна нога его отставлена далеко вперёд. Маленькое препятствие, мешающее свободно пройти в спальню. Деревенский красавчик, до сих пор убеждённый в своей неотразимости. Из всех сыновей Густава только он, средний, остался не при делах. Совсем не при каких – ни семьи, ни работы. Так и слоняется без дела. Я и не знала, чем занят парень, если бы его папаша не раструбил мне об этом с полчаса назад.

– Звёзды светят нам сверху, маня своим светом к себе, – томно выдыхает он. О Господи...

– Деревенский подкат засчитан. Но фразочка, откровенно говоря, не впечатляет. Давай, брысь отсюда...

Я машу рукой, указывая, куда следует убраться Андерсу. Тот недоумённо смотрит на меня. Пф-ф-ф... Тоже мне, обольститель местных крестьянок! Наверняка сейчас он выдаст... И Андерс на самом деле говорит:

– Что ты сделала с моей наречённой? Аманда была так мила... А у этой красавицы от Аманды осталось только личико...

Я прохожу мимо Андерса, задевая его плечом. Наречён-

ная. Наверное, так говорят только в Вольфахе, до сих пор считая устные договорённости глав семейств чем-то вроде помолвки.

Честно говоря, меня не интересует, что думает обо мне он или кто-либо другой. Они знали маленькую девочку, носившей на голове красную шапочку. Они одобрительно кивали, глядя на то, как она лихо отплясывала на местных празднествах. Но они же крутили пальцем у виска, услышав о желании покинуть родные края и танцевать на большой сцене. Той девочки, Rotkappchen, давно уже нет. Есть Аманда Штерн. У Аманды Штерн нет времени растрачиваться попусту на каких-то деревенских переростков. Но даже переростка можно употребить... в дело. Я подхожу к окну и устремляю взгляд в окно.

– Ты видел бабулю?

– Да, видел.

– И что скажешь?

– Ничего хорошего. Изверги. Вся комната в крови...

– Их до сих пор не нашли?

– Ну-у-у, – тянет Андерс, – наш бургомистр отдал приказ найти виновного...

– И?..

– Пока не нашли.

– Вот как? Плохо ищут?

– Ты же знаешь, как мы тут живём, – усмехается Андерс, – вся надежда на самих себя. Стражи для порядка похлопота-

ли у трупа... Прости.

– Ничего страшного. Дальше что?

– Походили, искали свидетелей. Твоя бабка в глуши жила... Сама понимаешь, какие там свидетели... Никого не нашли.

– Значит, на том и бросили. Никого не нашли? Или просто не хотели искать.

Я сжимаю пальцами подоконник, намереваясь нанести визит нынешнему бургомистру. Кстати, кто сейчас сидит в градоправителях?..

– Кто сейчас бургомистр?

– Тот же, Ганс Петерсен.

– Боров, наверное, весь жиром заплыл?

– Ты даже не представляешь насколько... Что ты собираешься делать? Бабулю уже похоронили. Тебя не стали дожидаться.

– Я хочу осмотреть дом бабули. Надеюсь, мародёры не успели ничем поживиться.

Андерс вдруг хмурится и отрицательно машет головой.

– Нет, ты что... Туда никто и носа не сунет. Говорят...

– Что говорят?

– Да так, ерунда.

– Ну уж нет. Договаривай, если начал.

– Местные говорят, что это не люди так бабулю покровомали. А волки... Говорят, оборотни Шварцвальда вновь вернулись в наши края.

Я застываю на месте, сразу вспоминая бабушкины сказки о людях, способных перекидываться в огромных волков. Говорят, увидев такого, ни за что не спутаешь его с обыкновенным волком. Я усмехаюсь, стараясь не давать детским страшилкам овладеть мной, заставив бояться даже собственной тени. Но против воли взгляд устремляется в лес. Тишина. Темнота. Когтистые лапы ступают мягко по холодной земле. Густая шерсть встаёт дыбом, когда огромный волк, воздев узкую морду кверху, воеет на луну...

Я пытаюсь отделать от видения решительным кивком головы. Видение разбивается на мелкие осколки, блестящими звонкими каплями осыпается вниз, к моим ногам. Но часть из них цепляется за одежду, чтобы, уличив подходящий момент, вновь коснуться краешка сознания.

– Надо проведать домик бабули. До наступления темноты. Сегодня же.

– Зачем торопиться?

– Думаешь, у меня так много времени? Мне есть чем заняться в Аугсбурге...

Андерс окидывает меня взглядом с головы до ног.

– Не все поверили слухам, что Аманда Штерн это и есть та самая Красная Шапочка... Но после твоего письма все сомнения развеялись. Бабуля была рада за тебя. Она два дня ходила с твоим письмом, хвастаясь каждому встречному...

На мгновение моё горло перехватывает, но я вдыхаю воздух поглубже.

– Два дня, да?

– Да. А на третий день к ней должен был заехать кто-то из местных. Вроде молочник, отвезти сыра и молока. Он её и нашёл...

– Я поеду туда сейчас же. Только соберусь в дорогу.

Андерс отрицательно качает головой:

– Это слишком опасно.

– Вот как? Скажи ещё, что никто из местных туда не су-
нется.

– Так и есть.

– Трусливые шавки.

Я отсылаю Андерса прочь и переодеваюсь в костюм для прогулок: платье более простое, из тёмно-коричневой шерсти, серый широкий пояс и добротный плащ. Мне не нравится то, что я вижу в зеркале: слишком уныло. Ни одного яркого пятна. Радует лишь то, что под платьем простушки волнительное кружево алеет красным. Я бы не выжила в этом царстве серости и уныния без живительного цвета.

Андерс слоняется на первом этаже и пытается отговорить меня ехать к домику бабули.

– Меня очень долго здесь не было. Я обязана побывать у бабули. Во что бы то ни стало.

– Ты не понимаешь, Аманда.

– Да. Я не понимаю. Но хочу понять. Боишься? Оставайся здесь. Тебя никто не зовёт с собой. Я только лошадь возьму на время у твоего отца.

Андерс остаётся на первом этаже, когда я выхожу из дома и иду к конюшне. Андерс стоит на пороге, когда я, взобравшись верхом, направляю лошадь на выход со двора.

– Стой!

Андерс спешно кидается в конюшню и выводит коня под уздцы.

– Чёрт бы тебя побрал, Аманда. Ты перевернёшь с ног на голову весь Вольфах. А ты ведь только приехала...

Я равнодушно киваю, стараясь не показывать, что на самом деле я рада даже такому спутнику, как Андерс. Наши лошади резво скачут по улицам города и выезжают на окраину.

– И лучше бы тебе остаться дома. Отведала бы чаю и булочек с корицей. У отца они всегда получаются отменные.

Андерс не оставляет попыток отговорить меня на всём протяжении пути. Я отмахиваюсь от него, погружаясь в воспоминания. Они едва ли не топят меня в себе, когда передо мной в конце тропы возникают очертания двухэтажного дома бабули.

Мы привязываем лошадей и ступаем на территорию двора. Лошади беспокойны: прядут ушами и перебирают ногами на месте. Я переступаю порог родного дома, удивляясь тишине. Раньше здесь никогда не было так тихо. Бабуля либо напевала себе под нос, либо болтала сама с собой, отчего некоторые крутили пальцем у виска, мол сумасшедшая. Дурачье. Они просто не знали, что бабушка не любила тишины.

В ноздри бьёт запах – неправильный, такой, которого не должно здесь быть. Предметы внизу перевёрнуты, словно кто-то подобно урагану пронёсся по первому этажу. И, ломая ступени лестницы, местами разнося перила в щепки, поднялся наверх. Я осторожно ступаю по лестнице, отмечая лишь, что неприятный, тяжёлый запах лишь усиливается. И, переступив порог спальни, замираю: простыни порваны, огромное коричневое пятно засохшей крови прямо посередине.

– Чёрт...

Взгляд обводит комнату: стена у изголовья кровати вся забрызгана кровью. Капли крови даже на потолке. Но хуже всего тошнотворный запах, густой, словно мою бабулю выпотрошили буквально перед моим приходом. Комок поднимается к горлу, и я пулей лечу на выход, чтобы оставить на траве у дома свой завтрак.

Глава 4. Аманда

– Я же говорил, – безостановочно повторяет Андерс всю дорогу до дома.

– Заткнись, – беззлобно кидаю ему я.

Шок от увиденного уже прошёл, а прохладный воздух начала ноября немного выветрил мерзкий запах, будто впитавшийся в кожу. Не доезжая до города, я сворачиваю на кладбище и навещаю могилку бабули. Жаль, что я не успела увидеть её при жизни и показать, что я не просто фантазёрка и выдумщица, но смогла добиться кое-чего. На какой-то миг мне кажется, что её сухая рука вот-вот коснётся моей головы невесомо, а многочисленные морщинки соберутся гармошкой от улыбки...

В голове пульсирует: я найду этих тварей во что бы то ни стало. Неважно, человек это сделал или оборотень.

Я разворачиваюсь и возвращаюсь в дом Густава, запираясь в спальне. Милые, добрые люди – они не пытаются навязать мне своё общество и не лезут с расспросами. Вечер проходит тихо и спокойно. Только ночью становится тяжело на душе и сон не торопится укрывать меня своим одеялом. Но уставшее тело берёт своё, и я всё же засыпаю. Сон тревожен и недолог. Я то и дело просыпаюсь, всматриваясь во тьму за окном. Но даже такой сон лучше, чем ничего.

***

Жирный боров Ганс Петерсен стал ещё жирнее. Сейчас его толстый зад уже не помещается в кресле, в котором уместилось бы как минимум ещё три девушки, кроме меня. Я смотрю на его лицо и теряюсь в догадках, как он, вообще, умудряется вставать и нести свою тушу на коротких ногах. А тем временем он, тяжело дыша, произносит стандартные слова: соболезную утрате и прочее бла-бла-бла... Только равнодушный взгляд выдаёт его: он скорее соболезнует о том, что опаздывает на обед, чем в действительности переживает о смерти бабули.

– Ваши люди проводили расследование?

– Да...

Пых-пых – подымается объёмная грудь Ганса.

– Были привлечены...

Пых-пых... Ганс втягивает воздух со свистом и так же выпускает его изо рта.

– Лучшие сотрудники. Но убийцу пока не нашли.

Ганс оттирает платком пот со лба. Господи, за пять минут разговора он вспотел так, будто его тушу подвесили на вертел над костром.

– Может быть, недостаточно хорошо искали?

Я употребляю в ход всё своё обаяние. Да другой мужчина на месте Ганса уже бы сидел у моих ног и покорно взирал снизу вверх! Но у Ганса из-за ожирения наверняка ничего толком уже не работает. Интересно, когда он в последний раз без помощи зеркала видел своё хозяйство, болтающееся

под огромным пузом? Я в очередной раз окидываю его тушу взглядом и понимаю: у меня было больше шансов разболтать бургомистра, если бы я пришла к нему со жбаном пива и горой ароматных горячих сосисок на тарелке. Но кое-что мне всё равно удаётся выяснить. Имя следователя – не так уж мало, верно?

И я, вооружившись знаниями, иду в управление городской стражи. Заспанный дежурный, позёывая, сообщает, что Отто изволит откусать в трактире «Жирный гусь». Благо, городок небольшой, и до этого сомнительного заведения идти недалеко. Несколько улочек, поворот налево – и вот оно, одноэтажное серое здание с деревянной вывеской и облупившейся красной краской на ней.

Дверь противно скрипит, когда я толкаю её внутрь. Взгляды собравшихся устремляются в мою сторону. Я осторожно ступаю на замызганный пол и иду к стойке трактирщика.

– Чего налить? – слышу выдыхает мне в лицо трактирщик, вытирая руки о грязный фартук.

– Пива.

Монета звонко ударяется о поверхность деревянной стойки. Передо мной возникает огромная кружка, содержимым которой можно напоить как минимум троих.

– Приятель, не подскажешь, который из твоих посетителей Отто?

Ещё одна звонкая монетка исчезает в огромной ладони трактирщика. Он тыкает пальцем в угол, показывая на муж-

чину, согнувшегося в три погибели над тарелкой. Я беру своё пиво и подсаживаюсь за стол к Отто. Судя по застывшим комочкам бараньего жира в его тарелке, сидит он здесь уже давно.

Я ставлю кружку пива на стол нарочито громко. Отто поднимает на меня глаза: водянисто-серые под бесцветными ресницами и вновь опускает взгляд в тарелку, в которой равнодушно ковыряет ложкой.

– Как дела, Отто?

Отто мычит что-то невразумительное в ответ.

– Что что? Не расслышала? Может, у тебя в горле пересохло?

Я толкаю кружку пива по направлению к нему и согласно киваю в ответ на его вопросительный взгляд. Отто тотчас же прикладывается к кружке с кислым пивом и хлещет его так, что кадык дёргается безостановочно вверх-вниз.

– Эх-х-х...

Отто крякнул от удовольствия и отёр усы. Одним махом он умудрился осушить половину кружки.

– Благодарствую, чем обязан?

– Я – Аманда, Отто. И мне очень хотелось бы узнать что-нибудь об убийстве моей бабушки Магды, что жила в лесу.

Отто вздыхает, морщится и вновь прикладывается к кружке.

– Нечего узнавать, – буркает он после того, как кружка была окончательно им опустошена. Ага, понятно. Недостаточ-

но вливаний. Я машу рукой трактирщику, показывая пальцами:

– Ещё две.

Отто повеселел и, кажется, проникся расположением ко мне и интересом к беседе в целом.

– Особо нечего рассказывать. Бабку твою обнаружил молочник, потом ещё неделю блевал, завидев красный. Не мог отделаться от шока. Бабку как будто разорвали на части, пожевали и выплюнули. Извини за подробности. Но, видит Бог, за двадцать лет моей службы я не видел ещё ничего подобного. Бывали случаи... Разные. Но чтобы вот так... Ни разу.

– Я была в доме у бабушки. Повсюду кровь и запах тяжёлый.

После моих слов разговоры в трактире смолкли на мгновение, но вскоре вновь неясный гул голосов повис в воздухе. Вмиг стало ясно, что к нашему разговору прислушиваются.

– Вот именно, запах. Он почти не выветривается. Мерзкий, до тошноты. Сразу понятно, что дело нечистое...

Отто понижает голос, и поневоле следующий вопрос я задаю шёпотом.

– Мне тут шепнули, что это мог быть оборотень?

– Вполне. Не хотелось бы в это верить... Но возле дома обнаружили след волчьей лапы. Слишком огромный, чтобы поверить, будто там пробегать обыкновенный волк. Кто-то не хочет верить... Но помяни моё слово... Они вернулись.

– Оборотни?

– Они самые. Раньше, сотню или пару сотен лет назад они были повсюду, задирали скот и рвали людей на части. Но их истребили. Всех до единого, как нам казалось. Говорят, что последнего в наших краях оборотня убил охотник три с лишним года назад.

– Он сам так сказал?

– Нет. Он, вообще, не особо разговорчивый тип и совсем недавно в наших краях... Но люди сделали свои выводы и зажили спокойно – ни одной задранной овцы за последние несколько лет. А теперь вот... Стало быть, не последний оборотень был убит. Далекое не последний.

– Вот, значит, как... А почему бы не обратиться к тому охотнику, чтобы он поймал оборотня. Если он, конечно, уже ловил этих тварей?..

– Пока это только слухи, ничем не подтверждённые. И Охотник не самый сознательный житель города, мягко говоря. Просто так он сниматься с места и рыскать по лесам не станет. Нужен повод.

Ха. Ему нужен повод? Он у него будет.

– Спасибо, Отто. Где, ты говоришь, можно найти охотника?.. Не расслышала...

...Отто хоть и пил, как лошадь на водопое, но всё же дал подробные указания, как в лесной глуши найти домик охотника. К нему вела тропа, поросшая кустарником. Теперь на всём сверху лежал снег и местами хрустел под ногами ледок. Вчерашний мороз давал о себе знать.

А вот и домик охотника. Когда я тайком покинула Вольфах, то, кажется, здесь никто не жил. Значит, охотник прибился в наши края после моего отъезда. И что он забыл в подобной глуши?..

Домик выглядел нежилым. Замызганные грязные окна, за которыми висит какое-то тряпье. Я приблизила лицо к узкой щели, пытаясь разглядеть внутреннюю обстановку – безрезультатно. Прошлась в обратном направлении. А второе окно, вообще, было наглухо заколочено.

Ох, весь облик дома просто кричит о нежелании хозяина видеть кого-то из посторонних у себя на пороге. Любой другой человек на моём месте бы уже развернулся. Маленькая поправочка. Я не любой другой. И меня совершенно не волнует, хочет он видеть меня или нет. Достаточно того, что увидеть его хочется мне.

Я намереваюсь постучать в окно, как вдруг... Громкий выстрел! Хлопок раздаётся совсем близко от моего лица...

Глава 5. Охотник

– Какого хрена уставился?

Что? В самом деле? Да, блядь, я только что разговаривал с головой оленя на стене. Хреновый знак, откровенно говоря. Либо мне стоит прекращать пить, либо нужно влить в себя столько, чтобы стало похуй на разговоры с чучелами, коими увешаны стены моего дома. Трофеи. Смешно. И каждый из этих трофеев глазееет на меня неммым укоряющим взором. Пальцы тянутся в привычном направлении и обхватывают горлышко бутылки. Я встряхиваю её: на дне ещё плещется мутное пойло. Взвешиваю бутылку в руке: достаточно ли оставшегося, чтобы перестать соображать? Пока не попробуешь, не узнаешь. Иногда стоит только присосаться к горлышку, как выключает напрочь. Иногда целому эшелону бутылок не удаётся даже заставить трястись пальцы, лежащие на прикладе ружья.

Я откидываюсь в плетёном кресле и закидываю ноги на стол. Одна на другую, не сбрасывая даже сапог. Какая разница? Если на моём столе бывают только бутылки, а им плевать на чистоту деревянной поверхности. Переворачиваю бутылку и вливаю в себя остатки спиртного. Оно так забавно булькает, будто у кого-то горлом идёт кровь. Пара крупных глотков... Обжигающая жидкость прочерчивает дорожку внутри меня и плещется в желудке. Остаётся только ждать, когда

сознание медленно поплывёт в сторону обрыва и сбросится вниз. Последний штрих – надвинуть шляпу на глаза, погасив свет моего убогого мирка. Ожидание...

Посторонний звук врывается в уши, нарушая тщательно соблюдаемую церемонию низведения себя до скотского состояния. Торопливые уверенные шаги, движущиеся по направлению к моему домику. Дела-а-а... Интересно, кто осмелился? Разве все местные не в курсе, как я люблю встречать непрошенных гостей? Для них у меня всегда найдётся особое угощение. Пальцы привычно оглаживают деревянный приклад ружья, очерчивая вырезанные ножом узоры и инициалы. Р.М.

Поневоле прислушиваюсь. Ни у кого из местных нет такой поступи. Лёгкой, словно парит над поверхностью земли, и в то же время уверенной. Тук-тук-тук. Каблочки дерзко отстукивают ритм. Каблочки? Да... Кажется, я даже знаю какие. У шлюхи Мадлен с Пятой улицы были подобные сапожки Высокие, до самого колена. Нежная выделанная кожа и соблазнительная шнуровка. Мадлен берегла их пуще ока и гордилась ими так, как не гордилась бы даже пятью сотнями удовлетворённых клиентов за месяц. Она? Нет, не она. Как бы Мадлен ни берегла свои сапожки, каблочок на одном из них уже был стёрт, а у этой – совсем наоборот. Новенькие, добротные сапожки. Дерзко и бойко девица переступает в своих сапожках по заснеженной подмёрзшей тропинке. Её счастье, что вчера сильно подморозило, иначе бы хлопать ей

по грязи.

Тук-тук-тук. Уже у самого дома. Замирает без движения. Наверняка сейчас постучит в дверь. Но вместо этого девица проделывает странное – она проходит вбок, словно не видела входной двери. Не торопясь, идёт к замызганному окну, завешенному рваным тряпьём, и пытается что-то разглядеть через него. Бесплезно, крошка. Да, она та ещё забавная малышка. И нет, я до сих не смотрю, что происходит там, за пределами моего домика. Я слышу. И слушаю. Внимательно слушать – большое искусство, а ещё большее – по малейшим шорохам воссоздать образ. Не видя девицу, я уже представляю её фигурку, затянутую в платье с несколькими юбками. Шелест ткани, мягко обрисовывающей стройные бёдра... Слух меня ещё никогда не подводил. Хочется ещё втянуть носом её запах, словно зверь. Чтобы уж наверняка представить её себе всю. Так гораздо интереснее – рисовать образ и, открыв глаза, сравнивать, насколько было верным представление.

Изнутри приятно колет предвкушение. Но потом взметается злость. Какого хрена? Я собирался провести этот день так же, как тот, что был до него, и планирую точно так же провести завтрашний, а потом, возможно, выберусь в город, чтобы пополнить запасы спиртного и наведаться к шлюхам. И вновь вернусь к себе, отрезая себя от всех. А какая-то сучка ходит вокруг моего домика, осторожно что-то вынюхивая, и заставляет охотничьи инстинкты вновь обостриться. Я

со всем этим завязал и старательно пытаюсь выжечь остатки навыков изнутри. Почти получилось. Но вот всего несколько посторонних звуков – и я уже подобрался, словно зверь перед прыжком, обострил все чувства до предела и пытаюсь понять, что забыла эта крошка у меня в лесу. Потому что это мой лес, мои владения и моё болото, в котором я вязну день ото дня. И ни одна живая душа или призрак не осмеливаются сунуться ко мне.

Звук шагов... Теперь настырная девица уже с другой стороны дома, наверняка опять заглядывает в окно. С левой стороны оно заколочено к чертям досками крест-накрест. Понятный знак, что я никого не желаю видеть, разве не так? Так. И какого хуя крошка ещё там торчит?

Сухой щелчок затвора. Я ориентируюсь только на звуки, но знаю, что не промахнусь. Или промахнусь, если только захочу этого. Сейчас хочу. Отвожу ствол ружья вбок и нажимаю на курок. Выстрел звучит оглушительно. Пуля пробивает сухие доски и вылетает с той стороны. Чуть левее головки наглой и любопытной девицы. Слышится испуганный вскрик. Я, довольный собой, расплываюсь в улыбке. Сейчас она, подобрав юбки, бросится со всех ног наутёк. Будет бежать сломя голову, размазывать слёзы и сопли по щекам, а потом рассказывать горожанам о ебанутом на всю голову Охотнике, окопавшемся в глуши.

Тук-тук-тук. Она действительно бросается бегом. Но странное дело, не прочь. Наоборот, слышится стук входной

двери о стену. Малышка распахнула её, словно ураганный ветер. И вихрем пронеслась напрямик ко мне. Стоп. Остановилась. И следующим движением... сбила шляпу с моего лица.

А вот это уже было сделано зря, крошка. Я никому не позволяю трогать свою шляпу.

Глава 6. Охотник

– Ублюдок! Ты едва меня не убил! – шипит мне в лицо красотка.

Да, девчонка хороша. Огромные карие глаза, аккуратный вздорный носик и потрясающе алые губы. Такие пухлые, будто их кусали всю ночь. Светлые волосы уложены в высокую замысловатую причёску. На волосах приколата небольшая красная шляпка. Фигурка... Чёрт, у этой малышки есть хоть что-то неидеальное? Кажется, что нет. Высокая, полная грудь и тонкая талия, перехваченная широким поясом. На счёт нескольких юбок я не ошибся. Пышные, одна на другой. С удовольствием бы поглядел, как они развеваются при быстрой ходьбе, и заодно полюбовался точёными ножками и крепкой задорной попкой. Нет. Ещё не успел оценить вид сзади, но ручаюсь, что не ошибся: под этими юбками спрятано то ещё сокровище, которое так приятно мять пальцами, сжимая до одури, пока вбиваешься до упора между стройных до ножек. Немного увлёкся мысленно и тело отреагировало как надо: в паху заныло.

Но будь эта сучка хоть трижды богиней любви и красоты... Нельзя вот так врваться в мой дом и сбивать с меня шляпу. Я цокаю языком ухмыляясь:

– Ты непохожа на труп.

– К твоему счастью! – её взгляд падает на шеренгу пустых

бутылок сбоку от моего кресла. И на мгновение она замирает.

Ну да... Кто-то увлекается тем, что коллекционирует портсигары, кто-то собирает трубки для курения. А я пью и составляю бутылки так, что издалека можно рассмотреть очертания предметов. Сейчас – это корабль. И мне не хватает всего трёх бутылок, чтобы завершить экспозицию.

– Да ты пьяный в хлам!.. Я намеревалась увидеть здесь охотника, а не убогого вонючего пьяницу. К тому же сумасшедшего.

– Проваливай. Но прежде верни на место мою шляпу. И скажи спасибо, что сегодня у меня благодушное настроение. Обычно я всаживаю пулю промеж глаз тому, кто осмелится до неё дотронуться.

– Шляпу? Ты имеешь в виду вон то коричневое недоразумение, напоминающее ночной горшок?

– У тебя слишком длинный язычок. Заткнись, если только не хочешь воспользоваться им для других целей.

Девушка перевела взгляд на мой пах, её щечки чуть порозовели. И, клянусь богом, мой член едва ли отсалютовал ей в ответ.

– Не размениваюсь на убогих, – вздёрнула она подбородок.

– Не трахаюсь с мелкими дурочками, – парирую я. Чёрт, меня начинает это веселить.

– Вот как? – она медленно оглядывает меня с головы до

ног, – можно подумать, на тебя кто-то польстится. Кроме шлюхи, которой всё равно, кто её трахает.

Дрянная девчонка не даёт мне спуску. И огрызается в ответ так же грязно. Но высокий, тонкий голосок при этом так соблазнительно выталкивает ругательства из её пухлых губок!..

Девчонка оглядывается по сторонам, обводит взглядом головы животных, развешанные на стенах. Розовый язычок на мгновение выскальзывает наружу и обводит пухлые губки. Так быстро, что я сомневаюсь: а не привиделось ли мне это? Но воображение уже рисует другие картины: пухлые сочные губы послушно открываются и смыкаются на моём члене, медленно скользят до самого основания. Язычок отплясывает на самом конце, слизывая жемчужные капли. Чёрт...

– Значит, ты и есть Охотник.

– Да.

Девчонка кивает, а потом вдруг ехидно добавляет:

– Выглядит достоверно, если только всё развешенное по стенам не осталось от прежнего хозяина.

– Хочешь проверить?

Я медленно встаю. И да. Я не ошибся. Девчонка мелкая. Она даже на своих каблучках она едва достаёт макушкой до моих губ.

– Хочу, – усмехается, глядя на меня снизу вверх, но с таким пренебрежением, будто это я нахожусь где-то внизу.

Примерно на уровне подошв её сапог.

– Придётся вставать в очередь, крошка. Желающих хоть отбавляй.

Я наклоняюсь за своей шляпой, стряхивая с неё золу. Девчонка умудрилась одним движением зашвырнуть её прямым в камин, на горку остывшей золы. Она видит эту шляпу в моих руках и кривится.

– Какое уродство!

– Проваливай. У меня заканчивается запас добрых слов и терпения.

Глаза девчонки полыхают от возмущения. Похоже, красотка не привыкла, чтобы ей отказывали. Тем интереснее будет её подразнить. Я разворачиваюсь к ней спиной, разгребаю остывшую золу в камине. Всем своим видом показываю, что мне нет никакого дела до девчонки. Возмущённый вздох и стук каблучков по направлению к двери. Но потом она резко разворачивается и... я слышу звон бутылок. Сучка одним движением своей ножки разрушила то, над чем я усердно трудился не один день.

Я разворачиваюсь, но девчонка уже семенит вверх по тропинке, к лошади, привязанной к стволу дерева. А не припугнуть ли её ещё разочек? Просто так, потому что душе угодно? Я подхватываю ружьё и выхожу на крыльцо, щурясь от солнечного света, бьющего прямо в глаза. Вскидываю на плечо ружьё и прицеливаюсь.

Глава 7. Аманда

Умалишённый. Вот он кто. А Отто – просто болтливый мудака. Хотя о главном он не сказал. О том, что Охотник с виду больше напоминает придорожную рвань, чем хвалёного победителя оборотней. Я удаляюсь прочь и чувствую, как он сверлит взглядом мне спину. Разворачиваюсь. Охотник стоит у порога и целится в меня из ружья. Нет, у него точно не всё в порядке с головой.

– Шевели ножками быстрее! У меня палец вот-вот соскользнёт... И я нажму на курок, – кричит он мне.

– С такого расстояния, будучи пьяным, ты не попадёшь даже в корову!

– Хочешь проверить?

Я снимаю с головы красную шляпку и подкидываю высоко вверх. Грохочет выстрел. Моя красная шляпка оказывается простреленной ровно посередине. Ловко. Ладно, стрелять он мастер. Но что касается всего остального... Я машу ему рукой и торопливо удаляюсь по тропинке, пока этому сумасшедшему не пришлось в голову подстрелить меня, словно куропатку.

Должен же быть кто-нибудь ещё, готовый взяться за поимку оборотня... Я намереваюсь как следует потрясти Андерса. Но увы. Тот лишь отрицательно мотает головой – прочих идиотов в нашей округе не водится. Чудо, что и этот...

Охотник каким-то образом оказался в Вольфахе. Неужели мне придётся иметь дело с этим странным типом?

Сама судьба сталкивает меня с ним на следующий день на городском рынке. Поначалу я не узнала его. Увидела статную мужскую фигуру и залюбовалась красивой линией широких плеч, узкой талией и длинными стройными ногами. Мужчина наклонился над прилавком с овощами и придирчиво изучал товар. Тёмные курчавые волосы были растрёпаны, словно их обладатель расчёсывался пятернёй.

А потом этот образец мужской красоты распрямился и нахлобучил на голову знакомую мне шляпу. Я едва язык не проглотила от изумления. Вчера я не успела толком разглядеть Охотника. Вернее, я разглядела замызганную, грязную рубаху в винных пятнах, порванные на коленях штаны. Смуглое лицо казалось ещё темнее из-за усов, бороды и тёмных пятен сажи, словно он брался за кочергу, а потом этой же самой пятерней тёр свою рожу. Да у него даже голова выглядела так, словно в засаленных волосах гнездились несколько сотен вшей! Но сейчас мужчина, стоявший передо мной, сменил одежду и умылся. По крайней мере, от него не разило за километр.

Словно почувствовав, что я на него пялюсь во все глаза, он обернулся. Красиво очерченные губы изогнулись в усмешке. Ни усов, ни бороды. Смуглая кожа была гладко выбрита и в паре мест на подбородке виднелись свежие порезы. Прямой, правильный нос и немного впалые щёки. Охотник

прикоснулся двумя пальцами к своей уродской шляпе, собираясь её снять в знак приветствия. И вдруг опустил руку, словно передумав. Взгляд тёмно-серых глаз в обрамлении чёрных пушистых ресниц, которым позавидовала бы любая девушка, насмешливо мазнул по моему лицу.

Я собиралась пройти мимо, не обратив на него никакого внимания, но словно нарочно, толстая женщина прижала меня в узком торговом ряду к боку Охотника.

– О, красотка... Всё-таки решила побаловать меня своим вниманием?

Нахал.

– И не надейся, даром что отмылся.

Я резко шагнула вперёд и поскользнулась на склизком, полусгнившем овоще. И непременно растянулась, если бы Охотник не подхватил меня за талию, резко рванув на себя. Сильные пальцы замком сцепились на талии, спина оказалась прижатой к твёрдому, словно каменному, телу.

– Смотри, куда идёшь. Так и расшибиться недолго.

– Пусти немедленно! Мужлан.

Мужчина недовольно цокнул языком и разжал объятия. Мне в лицо бросилась краска. Всего от каких-то невинных объятий. Я смерила его взглядом с ног до головы.

– Неужели не пьян?

– Хочешь составить мне компанию?

– Я не пью то, что ты хлещешь с таким удовольствием.

– Я мог бы предложить тебе что-то другое.

– Нет, спасибо. Но в свой черёд я могла бы предложить тебе что-нибудь...

– Да неужели?

– Как насчёт охоты на...

Мужчина не дал мне договорить. Просто развернулся ко мне спиной и быстро зашагал прочь.

– Его что, бешеные клопы укусили?

– Рикардо не охотится вот уже несколько лет, – подал голос торговец овощами.

– Кто?

– Охотник. Рикардо. На последней охоте он убил крупного волка, по слухам оборотня. Говорят, что тот задрал незадолго до этого жену охотника.

– Вот значит как... И с тех пор он не охотится, сидит безвылазно у себя в домике и пьёт?

Торговец согласно кивнул и переключился на следующего покупателя. А я смотрела вслед быстро удаляющемуся Рикардо и понимала, что заставить его помочь мне окажется проще, чем я могла бы предположить...

Едва начало вечереть, я была уже готова. Напоследок я ещё раз оглядела себя в зеркале. Тёмно-серое платье смотрелось просто, но элегантно. Никаких вычурных украшений или макияжа – ни тем, ни другим я сегодня пользоваться не стала. Вообще-то, мне нужно изобразить девицу, уже отчаявшуюся восстановить справедливость. А всё прошлое ехидство спишу на безысходность, заставившую меня обозлитель-

ся. Я подмигнула своему отражению в зеркале и, вскочив на смирную кобылку, направилась к домику Рикардо.

Наверняка это было чистой воды безумство – уже опускались сумерки, и разгуливать по лесу небезопасно. Но я хотела как можно скорее разделаться с обидчиками любимой бабули и не желала терять ни одного дня. Кобылка недовольно косила глазом по сторонам, едва вступила на лесную тропу, но всё же повиновалась мне и шла в нужном направлении. Когда я добралась до дома Охотника, сумерки были уже столь густыми, будто не вечер спустился, а ночь царствовала кругом. Я привязала кобылку к дереву и подошла к дому Охотника. Оконные проёмы зияли чернотой. Будто в домике не было никого. Я произнесла как можно громче:

– Рикардо! Отложи своё ружьё в сторону...

В ответ – тишина. Я двинулась вперёд, намереваясь постучать, как вдруг краем глаза уловила движение. И тотчас же меня толкнули лицом к стене. Одна рука удерживала меня за плечо, а вторая рука легла на поясницу. Я вскрикнула от испуга.

– И что делает малышка Аманда в глуши поздно вечером? – шею коснулось горячее дыхание. Рикардо.

Я немного расслабилась и попыталась пошевелиться, но Охотник и не думал меня отпускать. Всё так же держал зажатой между стеной и своим телом.

– Узнал моё имя?

– Было нетрудно. Ты, оказывается, знаменитость и гор-

дость всех жителей Вольфаха...

Я улыбнулась:

– О тебе говорят то же самое

– Ошибаешься. Я не канатная плясунья.

– Я пляшу не на канате, а на сцене театра. Отпусти, Рик, мне больно...

– Зачем пожаловала?

– Ты будешь держать меня здесь или пройдем в дом?

– Тебе же там не понравилось?

– Что-то мне подсказывает, что с момента нашей последней встречи обстановка несколько улучшилась.

Рик засмеялся, но всё же отошёл и распахнул дверь, издевательски поклонившись при этом. Сукин сын. Посмотрим, кто будет смеяться последним... Внутри домика была темно. Рик проскользнул мимо и зажёл пару свечей. За прошедшие сутки Рик избавился от бутылок и проветрил комнату.

– Присаживайся. Тебе налить выпить?

– Даже не знаю, – я мило улыбнулась и закинула ногу на ногу.

Платье, может, и выглядело просто, но оно было у?же всех остальных и шикарно обрисовывало все нужные изгибы тела. Рик скользнул взглядом по мне снизу вверх и остановился на моём лице. Да, милый, я знаю, что я хороша собой. И о том, что я тебе сразу понравилась тоже знаю. Не могла не понравиться. Есть, конечно, редкие исключения в виде педерастов, слепых или лишённых мужской силы, как, напри-

мер, жирный боров Ганс.

Но Рик... Другое дело. Признаться, сейчас на него было приятно смотреть. Простая рубашка была расшнурована больше положенного, обнажая крепкую, мускулистую грудь. Рик был хорошо сложен. Настолько хорошо, что его можно было использовать как мерило мужской стати и красоты. Мой взгляд сам по себе то и дело гулял по мужественному красивому лицу, останавливаясь на губах, скользил ниже по шее, спускался по предплечьям к кистям рук с ярко выраженными венами и длинными пальцами.

Мне было непонятно выражение, застывшее на его лице – то ли предвкушение, то ли ожидание. Лёгкая улыбка изогнула губы. Огоньки свечей причудливо освещали лицо мужчины, делая его по-особенному притягательным. Я болтала без умолку, перекатывая в ладонях бокал с вином, должно быть, вполне сносным по местным меркам.

–... совершенно одна. И мне не к кому обратиться за помощью.

Я вздохнула особенно глубоко, зная, как волнительно поднялась в этот момент моя грудь. Рик перевёл взгляд на декольте. Я мысленно улыбнулась, и продолжила.

– Я понимаю, что наше знакомство нельзя назвать приятным. Но может быть, мы сможем откинуть в сторону мелкие обиды?..

– Может быть, – задумчиво произнёс Рик, постукивая пальцами по столу. А потом вдруг резко подался вперёд:

– Скажи, зачем ты здесь?

Глава 8. Аманда

Я мягко улыбнулась.

– Хотелось бы, чтобы в дальнейшем между нами не стояли глупые недоразумения и обиды.

– Вот как?

Я поднялась и прошлась по домику, остановившись возле одной из стен.

– Все эти животные были убиты тобой?

– Да.

– Впечатляет. Должно быть, ты и в самом деле хороший...

Охотник.

Я бросила взгляд через плечо и улыбнулась, зная, насколько хорошо выгляжу сейчас, стоя вполоборота в свете свечей.

– Неплохой во всяком случае.

– Это было понятно сразу...

Рик широко улыбнулся. На мгновение я растерялась – до того мальчишеской была эта озорная улыбка. Он крутил в руках верёвку, до того висевшую на спинке стула.

– Маленькая дрянная девчонка любит врать? А ты знаешь, что лгунишек обычно наказывают?

И прежде чем я поняла, что он собирается сделать, Рик метнулся ко мне, развернул спиной к себе и перетянул за пазуху верёвкой.

– Что? Что ты делаешь?

– Думаешь, я не знаю, зачем ты сюда явилась? Платье, улыбка, призывный взгляд из-под опущенных ресниц... Может, ты посчитала меня за одного из тупых деревенских увальней, готовых за одну твою улыбку броситься исполнять любой твой каприз?

Рик подтолкнул меня к столу, вынуждая лечь на него грудью. Я рванулась было из рук, но хватка рук была сильна – не вырваться.

– Позволь тебя расстроить, девочка. Я не один из них. Я не стану тебе помогать с охотой на зверя. Я могу помочь тебе советом.

Он наклонился, обдавая жарким дыханием шею.

– Но бесплатно раздавать советы я не намерен. Ты расплатишься за него со мной.

Губы мужчины прижались к шее на мгновение, поднялись к раковине уха.

– Знаешь, что я хочу получить взамен?

Рик обхватил губами мочку уха, лизнул кончиком языка.

– Я хочу услышать, как ты кончаешь.

Он зажал мочку уха между зубов и потянул её на себя.

Второй рукой Рик принялся забирать подол моего платья.

– Ты мерзкий, циничный гад!

– Да... Но ты забыла добавить, что я обаятельный гад! – губы мужчины хозяйничали на моей шее, мягко целуя её. Язык прочерчивал влажные дорожки вверх и вниз. Задрал подол и, закинув его мне на спину, Рикардо положил ладонь

на попку.

– Красные трусики? Аманда, ты чудо... – едва ли не пропел мне на ухо Рик, поддевая пальцами верхний край трусиков. Потянул их вниз, вынуждая ткань скользнуть по ногам до самого пола.

– Не дёргайся! – недовольно рыкнул мужчина в ответ на моё движение, – или обездвигу тебя всю.

Пальцы мужчины разминали нежную кожу ягодиц.

– Какое чудесное зрелище! У тебя прекрасная попка. Кругленькая и такая крепкая.

Ладонь мужчины опустилась на попу с лёгким шлепком.

– Убери свои руки сейчас же!..

– Не шипи, Аманда. Тебе понравится.

Рик скользнул пальцами ниже и пробежался ими по нежным складкам, немного усилил нажим и начал обводить лонно по кругу.

– Отпусти.

– Не-е-ет, ты получишь то, за чем пришла. А потом я выставляю тебя за порог. И ноги твоей в моём доме больше не будет.

Как он может разговаривать так спокойно? И одновременно растирать меня пальцами внизу, ускоряясь с каждым кругом. Я чувствовала себя неуютно, будучи прижатой сильной рукой к поверхности стола, с оголённой попкой. Но хуже всего было возбуждение, разгорающееся от движений мужских пальцев. О да, этот сукин сын умел приласкать: поддразнить

лёгкими касаниями пальцев, ускориться, замереть на мгновение, огладить попку своей мозолистой ладонью и вновь пуститься в пляс. Он забавлялся, играя со мной так, как ему вздумается. Моё дыхание учащалось и я изо всех сил пыталась его сдержать, но судя по самодовольному голосу Рика, у меня это плохо получалось.

– Не стесняйся, Аманда! Можешь не прикусывать свои губки. Открой пошире свой ротик и прости как следует.

Мужские пальцы подбирались всё ближе и ближе к пульсирующему источнику, уже сочившемуся влагой. Ещё мгновение – и...

– Ммм, ты просто чудо!..

С этими словами Рик скользнул пальцем внутрь, заставив меня сжаться вокруг его пальца. Сквозь стиснутые зубы вырвался стон. Мужчина довольно рыкнул и вновь припал ртом к мочке уха, посасывая её в едином ритме с движениями пальца, который он то и дело погружал в меня. Можно было уже не корчить оскорблённую девицу и просто расслабиться, получая удовольствие, но всё должно было пойти с точностью до наоборот! Это он должен был сидеть у моих ног и умолять меня позволить поцеловать хотя бы кончики пальцев. Но никак не удовлетворять меня своими пальцами.

А это у него получалось чертовски хорошо. Вперёд назад, ещё глубже и быстрее... К откровенно-бесстыжей ласке присоединяется ещё один палец и теперь Рик движет ими двумя, подводя меня к черте. Стоны вырываются из моего рта

вместе с учащённым дыханием. Уже не имеет никакого значения окружающая обстановка и то, каким образом получена порция удовольствия, сладкого, как никогда ранее. Существуют только ритмичные толчки пальцев и разгорающийся от этих движений пожар... Внезапно Рик остановился.

Мои бёдра непроизвольно дёрнулись назад и разочарованный вздох сорвался с губ. Рик будто только этого и ждал – стремительным движением ввёл пальцы внутрь и принялся двигать ими так быстро, что не было сил даже вздохнуть. Я задыхаюсь. Моё тело было не в состоянии справиться с сердцем, колотящемся так быстро, словно у пойманной в силки птички. Возбуждение усиливается всё сильнее и подступает, грозясь перелиться через край чаши моего терпения.

Ещё несколько движений – спина прогибается в пояснице ещё сильнее, тело бьётся в сладкой судороге и экстаз разливается по нему жаркой волной. Которая грозит обрушиться на меня ещё раз, потому что Рик и не думает останавливаться. Непрерывающиеся ритмичные движения заставляют меня сжаться вокруг его пальцев так стремительно и резко, что темнеет перед глазами. Пульсация удовольствия – сильная и острая... Колени мелко трясутся, а ноги не держат меня. И если бы не стол, я бы рухнула сейчас на пол с блаженной улыбкой на губах.

Не сразу понимаю, что Рик поочерёдно поднимает мои ступни и вновь ставит их на пол. Он развязывает верёвку на моих запястьях и, огрев по попе ладонью напоследок, отсту-

пает.

– Готово. Можешь одёргивать свои юбки и проваливать на все четыре стороны, – заявляет он.

Движения рук ленивы и не столь быстры, как хотелось бы. Я поднимаюсь и одёргиваю юбки. Рик глядит на меня с самоуверенной ухмылочкой. Красивый, циничный гад. Только теперь, смотря на его лицо, понимаю значение слов – вызывающе красив. Не той слащавой красотой, но резкими, хищными линиями. И самое отвратительное – это всё ему хорошо известно. Он может год валяться в грязи под столом, словно пьяный боров, но стоит ему захотеть, и он превращается в того, кого я вижу перед собой сейчас. Самоуверенный мерзавец, опасный мужчина, прекрасно знающий о том, какими глазами на него будет смотреть любая из женщин, и шикарно умеющий доводить до экстаза одними движениями пальцев. Поневоле в голове проносится мысль: а на что же он тогда способен в постели, если к ласке пальцев присоединится ещё кое-что?..

Рик кивает, словно прочитал все мои мысли по этому поводу и мнёт в руках красное кружево. Чёрт побери! Только сейчас понимаю, что этот гад окончательно стянул с меня бельё, пока я качалась на волнах непрошеного удовольствия. Слишком яркого и сильного, чтобы соображать.

Рик складывает тонкое кружево вдвое и, словно платком, промокает якобы вспотевший лоб.

– Утрудился, пока доводил тебя до экстаза, голодная де-

вочка...

– Отдай мои трусики немедленно!

– И не подумаю. Оставлю их себе на память... Или нет, лучше подарю их какой-нибудь шлюхе. Красный для них в самый раз. Думаю, за подобную дорогушную вещицу меня любая из них обслужит по первому разряду... А вот тебе пора отсюда сваливать.

Рик переложил трусики в карман и, подталкивая меня в спину, повёл на выход. Я упиралась ногами в пол, но это было бесполезно. Наглец распахнул дверь, вытолкнул меня за порог и захлопнул дверь перед моим носом, прежде чем я успела что-то ему возразить.

Глава 9. Охотник

Наглая сучка вывела меня из себя всего парой слов и взглядов. Она сидела с таким видом, будто делала мне одолжение, заявившись ко мне домой, не забывая при этом то-но стрелять глазками, так глубоко вздыхать, что круглые полушария груди колыхались в глубоком декольте. Маленькая дрянь решила, что меня можно взять всем этим. Отчасти она права. Не реагировать на эту провокацию невозможно. Члену становится тесно в штанах от одного взгляда на то, как платье обтягивает бёдра, когда она закидывает нога на ногу.

Но она заблуждалась, думая, что я подобно блеющему стаду деревенских болванов, пойду на всё, лишь бы удостоиться одного её взгляда. Сучка получила то, за чем явилась, и ушла от меня оттраханной пальцами. Не думаю, что после всего ей захочется заявиться ко мне ещё раз. И её возмущённое выражение лица подтверждало правильность моего предположения.

Херня в том, что теперь мне самому захотелось, чтобы Аманда ещё раз посетила мой убогий домишко. Девчонка оказалась чертовски горячей штучкой. Потекла от нескольких прикосновений и так сжимала собой мои пальцы, что перед глазами всё поплыло от желания, чтобы она так же сильно сжала мой член. И желательно бы как следует на мне попрыгала, расположив ножки по обе стороны от моих бёдер.

А я бы при этом обхватил её сладкую попку и подразнил малышку пальцем...

Но я же, блядь, хозяин своим желаниям! Потому выставил её из дома, а сам остался внутри с каменным стояком и красными кружевными трусиками, пахнущими ею. От одной мысли о том, что малышка отправилась восвояси без них, меня едва не разорвало на части. Интересно, кого я на самом деле наказал? Судя по боли в окаменевшем члене – себя, но никак не её.

Уже пожалел, что отпустил её так рано. Надо было пристроиться к ней сзади и долбиться до одури, выколачивая из неё пренебрежение и заставляя растечься лужей. Со связанными руками малышка смотрелась охеренно, а вот если бы раздвинуть её ножки пошире и обездвигить их... Блядь. С этим надо что-то делать... Как и с тем, что Аманда, гордо задрав нос, оседлала кобылку и убралась восвояси. Так как я этого и хотел. Но... в лесу темно, и разгуливать по нему чертовски хорошей девчонке с голой попкой явно не стоит.

И вот так, матерясь, проклиная всё на свете, я двинулся следом за ней. Держался на расстоянии, оставаясь незамеченным. До города добрались без приключений. А вот там уже пришлось сдерживать себя, чтобы не скалить зубы. Потому что девчонка была как яркий луч света в царстве сонных мух – на неё устремлялись взгляды каждого, у кого хрен ещё не высох окончательно и хоть как-то двигался. И почему я не взял с собой ружьё? От нескольких горожан явно не

помешало бы избавиться. И как она не боится? Уверен, что каждый второй был бы не прочь оказаться между её стройных ножек. Ах да, совсем забыл... Аманда смотрела на всех взглядом «я слишком красива и знаю это, убогие».

Наверняка вокруг неё крутится не один мудака. Точно. У дома пекаря Густава слонялся вдоль забора бездельник Андерс. И, завидев Аманду, кинулся наперерез, едва не стелся перед красоткой в грязь, чтобы та, не дай боже, не запачкала своих сапожек. Тьфу. Смотреть тошно. Ладно, будем считать, что свою задачу я выполнил – красотка добралась до города в целостности и сохранности. А уж от плотоядных взглядов, бросаемых в её сторону, она явно не умрёт...

И раз уж я в городе, наведаюсь-ка к шлюшке Мадлен. Надо же как-то избавиться от стояка, так и не спавшего за всё то время, что я шёл за красоткой. Спадёт, он, ага, как же. В особенности когда взгляда от Аманды не отрываешь. До пятой улицы добрался в два счёта. Клиентов Мадлен принимала у себя дома. И не всех подряд. Это давало некую надежду на то, что твой член не усохнет под корень от неизвестной болезни после того, как побывает внутри шлюхи.

Не успел даже постучать, как дверь распахнулась. Мадлен отступила, приглашая меня войти внутрь. В водянисто-голубых глазах зажёгся огонёк похоти. Мадлен и без того всегда обслуживала меня с особым усердием. А сейчас, увидев, как охеренно я сегодня выгляжу, и вовсе поплыла прямо с порога. Я прошёл в небольшую гостиную и уселся в глубо-

кое кресло возле фальшивого камина. Мадлен, не теряя зря времени, опустилась на пол у моих ног. Обхватила пальцами щиколотки и медленно начала подниматься по ноге. Светлые волосы были завиты в мелкие кудряшки. Шлюха облизнула губы, покрашенные кричаще – алым и огладила ладонью внутреннюю сторону бедра.

Наверное, нужно было откинуться на спинку кресла и позволить шлюхе выполнять свою работу – пусть бы насасывала член, а потом развернулась спиной и подобрала своё платье, подставляясь мокрой промежностью. Но смотря на крупный рабочий рот Мадлен, я вдруг понял: ни хрена. На месте этой шлюхи я хочу видеть другую: маленькую, изящную красотку, чей соблазнительный ротик ругается так же грязно, как я сам. И пусть мои яйца звенят от напряжения, но хрена с два я всё спущу в какую-то шлюху.

– Пстой, Мадлен. Я к тебе не за тем пришёл.

– Да неужели?

– Ага, веришь? Так что отползи подальше.

Мадлен поднялась с колен и села в кресло напротив. На крупном лице читалось недовольство. Наверняка она уже настроилась потрахаться. Я тоже хотел, но ничего не поделаешь. Мой член внезапно стал разборчив и стоял в совершенно другом направлении.

– Скажи, дорогая штучка?

Я достал кружевные трусики и растянул их в руках. Потухший взгляд Мадлен загорелся, она потянула к трусикам

руку.

– Э нет, руками не трогай. Просто ответь на вопрос.

– Очень дорогая, Рик. Тебе лучше не знать, сколько они стоят. Если ты стянул их с какой-то красотки, то знай: мы, женщины, дорожим такими вещами. Лучше обращайся с ними осторожнее в следующий раз.

Слова Мадлен возымели обратный эффект: мне вдруг захотелось надеть это тонкое кружево на Аманду только затем, чтобы порвать эти трусики прямо на ней. Рвануть со всех сил и ловить ртом возмущённые возгласы.

– И..?

– И ничего, Мадлен. Ты мне очень помогла.

– Хочешь сказать, что ты пришёл только за тем, чтобы узнать, дорогой ли кусок этого кружева?

– Нет. Давай расскажи мне свежие сплетни. Я немного одичал и не в курсе последних событий.

Мадлен усмехнулась:

– Я привыкла работать ртом, но не трепаться без дела.

– Представь себе, я заплачу за твой трёп, как если бы отработала языком на все сто...

– Другое дело! – хлопнула в ладоши Мадлен и пропала из виду на несколько минут, вернувшись с бутылкой хереса. Она плеснула жидкости в два бокала и протянула один из них мне. Я отрицательно качнул головой.

– Рик, уж не сглазил ли кто тебя? Не пьёшь, не трахаешься... Заделался в святоши?.. Да чтоб ты знал, даже препо-

добный Марк не настолько праведен...

Я махнул рукой и принялся слушать болтовню шлюхи. Она трепала языком обо всём подряд, об Аманде в том числе.

– Она на самом деле так знаменита?..

– Ещё бы! Говорят, она пользуется особым расположением у герцога Аугсбурга...

И тут вдруг взгляд шлюхи прояснился:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что стянул трусики с той красотки? Ха-ха-ха! Я даже не представляю, как тебе удалось это сделать! Наверняка связал девчонку насильно!..

– С чего ты так решила?

Шлюха хохотала так сильно, что у неё с глаз брызнули слёзы.

– Ты хорош, Рик. Но явно не дотягиваешь до её уровня!..

Я поболтал с Мадлен ещё немного и отправился прочь. Прошёл мимо дома Густава, зная, что Аманда остановилась у своего дяди. В одном из окон второго этажа через щель створки пробивалась тонкая полоска света. Не дотягиваю до её уровня? Внутри неприятно царапнуло: даже шлюха так подумала, чего говорить о самой красотке? Пробежался пальцами по тонкому кружеву. Не дотягиваю... Ха. Это мы ещё посмотрим.

Глава 10. Аманда

У дома дяди Густава мне наперерез кинулся Андерс с выпученными от страха глазами. Я пробежалась по нему взглядом, прикидывая в уме, могу ли рассчитывать на него. Отчего-то казалось, что не могу. Я подавила вздох разочарования. Увы. Интуиция подсказывала мне, что помочь может только Рик. Но иметь дело с этим наглецом мне не хотелось. Он выставил меня за дверь, посмеявшись надо мной. Похоже на него моё обаяние и красота не действовали. Нет. Не так. Он всё прекрасно видел и понимал. И я была более чем уверена, что он был бы не прочь развлечься – и только... Больше ничего. Этот циничный тип не собирался ради меня и пальцем шевельнуть!..

Болезненный щелчок по носу. Бессилие – давно забытое мной ощущение. И тем горше его было чувствовать именно сейчас, когда одной мне было не справиться, а положиться – совершенно не на кого. Но сдаваться я не собиралась. Аманда Вебер стала Амандой Штерн не для того, чтобы прозябать в болоте уныния.

– Андерс, – промурлыкала я, – на что ты готов ради своей... наречённой?

Проклятое слово не хотело выскальзывать изо рта. Внутри я как следует скривилась, произнося его. Но внешне я – само обаяние. Андерс икнул от неожиданности, подобрался

и окинул меня томным взором. Наверняка в этот момент он вновь почувствовал себя парнем хоть куда. Плевать, что он о себе думает, и даже если он протянет свои волосатые ручки, так уж и быть, потерплю парочку объятий.

– На всё! – решительно заявил он.

– О-о-о-о... Теперь я вижу, что зря сомневалась в тебе... Стало быть, ты поможешь мне решить небольшую проблему? Поможешь найти обидчиков, разорвавших на части бабулю?..

Андерс кивал, словно заведённый, но при последних словах вдруг застыл и как-то нерешительно посмотрел на меня. Да что же это такое! От мужчин у жителей Вольфаха остались только яйца и трёхдневная щетина!..

– Аманда, любимая...

Любимая? А не слишком ли тебя разнесло, деревенщина?

– Не говори мне о любви, Андерс! Твои слова идут вразрез с твоими поступками...

Так. Самое время как следует вильнуть хвостом. Я всхлипнула и опрометью кинулась вверх по лестнице, хлопнув дверью как можно громче. Следом раздался топот ног и стук в дверь.

– Аманда...

В ответ я лишь усерднее начала изображать всхлипывания и приглушённые рыдания.

– Тырываешь мне сердце своим плачем!.. – простонал под дверью Андерс.

– А-а-а-а... – ещё громче и жалостливее.

Вот уж не думала, что у деревенщин такая толстая шкура! Да любой другой мужчина Аугсбурга на его месте уже растелился ковром или свернулся восьмёркой, чтобы быть одарённым хоть капелькой моего внимания. А эти... грязнули, невежды... Ходят по Вольфаху, почёсывая зад, и прячутся по углам, боясь высунуть свой нос.

Мне понадобилось ещё несколько минут усердного актёрского труда. И Андерс мужественно пообещал сделать всё возможное, чтобы помочь мне.

– И невозможное, – добавила я следом. Андерс поклялся булочками своего отца, что исполнит обещание во что бы то ни стало. Я довольно потёрла руки: готово. А чтобы он не расслаблялся, считая себя единственным претендентом, сделаю ход конём.

Глава 11. Охотник

Так... А это что за скопление народа? Я с удивлением осмотрел очередь возле оружейного магазина. Обычно там пусто. Нет. Даже не так. Обычно там настолько пусто, что торговец, глуховатый Михаил приходит туда спать, а когда просыпается от нечего делать складывает дохлых засушенных мух рядами и изображает воинские баталии. Сегодня же внутри магазина толпились люди, и возле дверей стояло ещё десятка полтора человек... Я не стал ждать, растолкал всех, пробираясь к прилавку. Для того чтобы осадить возмущавшихся, хватало одного взгляда, а особо смелым – пары тычков под рёбра.

– Эй, Михаил! – заорал я, что есть мочи, – мне нужны патроны!..

– А?

– Патроны! – я потряс в воздухе своим ружьём.

Михаил пожал плечами.

– Кончились.

– Что!? Да у тебя ещё позавчера были полки полны.

Михаил хоть и был глуховатым, но по губам умел читать прекрасно. Тогда, когда хотел понять собеседника. Во всех остальных случаях он напирал на собственную глухоту.

– Ты посмотри, сколько покупателей. Ещё до тебя всё сме-ли. А вот эти, – кивнул он на собравшихся, – сметут даже

отсыревший порох.

Я прищурился. Не поверил, что у старого прохиндея не заваялось патронов. Подмигнул и показал два пальца. Михаил улыбнулся, салютую мне в ответ тремя.

– Да ты охренел, старый!..

Я ещё раз показал ему два пальца. Но старый жлоб почувал близость наживы и не собирался сдаваться, упорно держа три пальца на прилавке. Тройная цена за патрон. Я плюнул и вышел из магазина, расталкивая собравшихся. Чёрт знает что творится... Я не узнавал сонных жителей Вольфаха: лица были освещены каким-то предвкушением, словно перед праздником.

Пройдя до угла улицы, я увидел попрошайку Петера, якобы слепого на оба глаза, и кинул тому пару монет.

– Эй, приятель. Что творится в городе?

– А... Охотник... Ну дык... Объявлена большая охота на оборотня.

– Что?

– Ага. Ты, кажется, несколько дней назад был в городе? Так вот вчера с утра объявление повесили на центральной площади... Вознаграждение за поимку твари и концерт Аманды в случае удачного завершения охоты. Говорят...

Петер с заговорщическим видом понизил голос. Поневоле я наклонился, вдыхая смрад давно немытого тела.

– Говорят, девчонка лично спляшет для того, кто принесёт ей голову оборотня... А пляшет она у-у-ух!

– Да ну... – как можно равнодушнее выдал я.

– Ага. Ты же не местный, недавно к нам прибился. А она ещё малышкой такая плясунья была!.. Подошвы горели!.. Ты только представь, как аппетитно она сейчас спляшет...

Нищий довольно заржал, потирая ладошки, лишний раз доказывая, что никакой он не слепой. Я швырнул ему ещё один медяк и пошёл в сторону центральной площади, чтобы своими глазами прочитать, чего такого могла наобещать Аманда, что смогла расшевелить даже этих вечно полусонных идиотов.

Ого. А на площади-то как людно... Мда, малышка развернулась на полную катушку. Всего за несколько дней она умудрилась перевернуть вверх дном весь город. Похоже, что стихийное бедствие по имени Аманда не остановится ни перед чем. Она и дядюшку Густава, добродушного толстяка, под каблук подбила. Иначе как объяснить то, что сейчас он стоял у стола и раздавал бесплатно ароматные булочки? Ещё тёплые, с расплавившимся сахарком сверху золотистой корочки. Рядом с ним супруга Анна разливала сильно разбавленное вино.

Народу собралось – тьма. Халявное угощение, как-никак. Чуть поодаль тренькали на скрипке и гитаре музыканты. На подмостках пару шлюх, изрядно набравшихся, лихо отплясывали, высоко задирая юбки, на радость местным мужикам. Одним словом, атмосфера была такая, словно сегодня, в четверг был ярмарочный день. Я потолкался среди зевак, про-

читал объявление, прибитое на специальной доске. И едва не присвистнул. Малышка пообещала кругленькую сумму.

А рядом с объявлением была прибита афиша, изображавшая Аманду в обтягивающем трико и миниатюрной юбочке. Ну ни хрена себе. Внутри полыхнуло какой-то злобой. Малышка отплясывает в... этом? Охотно показывая всё, чем наградила её природа? А потом какой-нибудь мудака, сидя дома, дронит, вспоминая, как лихо она крутила своей попкой на потеху публике?.. И где же сейчас сама оболстительница и возмутительница спокойствия?..

Слева раздавались одобрительные возгласы и звуки ударов. Я кое-как протиснулся сред собравшихся, увидев уличные кулачные бои. Двое претендентов на звание победителя с удовольствием мордовали друг друга, а чуть поодаль стояла Аманда в тёмно-сером платье. В том самом, подчёркивающем её точёную фигурку. Поверх платья накинут роскошный алый плащ с капюшоном, едва покрывавшем светлые волосы, собранные в высокую причёску.

Мужики, словно дурные, от души колошматили друг друга. Победителю Аманда цепляла на рубашку какую-то херню: алую ленточку с засушенным цветком и лично отирала с лица убогого кровь платочком. Потом победители соревновались между собой. Абсолютным чемпионом, как сказали зеваки, был Андерс, стоящий рядом с Амандой. Он был обнажён по пояс, лишь рубаха накинута на плечи. Здоровяк развлекал публику, поигрывая внушительными мышца-

ми груди. Аманда хохотала, глядя на него. И поглядывала, кстати, с интересом, явно оценив мощное сложение деревянного дурня.

– Скоро твой черёд, – хохотнула красотка, пихнув Андерса локтем в бок. Тот расцвёл от небрежного касания, вызвав у меня своим весельем приступ жёлчного раздражения. Я растолкал зевак и подошёл к Аманде.

– Развлекаешься?

Она чуть вздрогнула от неожиданности, но даже не обернулась в мою сторону, продолжая смотреть на кулачный поединок.

– Делом занимаюсь.

– Да? И каким же?

– Победители возглавят отряд, который отправится на охоту за оборотнем.

– Ты хоть понимаешь, какой это кретинизм?

Девчонка возмущённо посмотрела на меня и процедила сквозь зубы:

– Кретинизм – это твоё обычное состояние. А я пытаюсь найти зверя, отправившего на тот свет мою бабулю.

Нет. Так не пойдёт. Я придвинулся ещё ближе, невольно вдохнув аромат парфюма, которым надушилась девчонка: чёрная смородина, роза и ваниль... Самый настоящий дурман, бьющий сладко и пряно в голову. Обошёл Аманду и встал спереди.

– Отойди, ты мешаешь мне смотреть.

– Ну уж нет. Если я не вмешаюсь, эти дурни затопчут мне весь лес.

Аманда иронично воздела бровь.

– Какое тебе дело? Ты же всё равно не охотишься?

– Я живу в глуши. И не люблю, когда мой покой тревожат.

Подержи.

И прежде чем Аманда успела хоть что-то мне возразить, я всунул ей в руки свою шляпу. Скинул плащ к ногам девчонки и развязал тесьму рубаше, стягивая её через голову.

– Эй ты, увалень. Покажешь всё, на что способен?

Я пихнул Андерса кулаком в бок и вышел в круг. Андерс шагнул следом за мной под радостные крики собравшихся. Я обернулся, подмигнув Аманде:

– Поосторожнее с моей шляпой. И следи, чтобы никто не спёр моё ружьё.

Аманда пялилась на меня во все глаза. И могу поспорить на что угодно: ей понравилось увиденное.

Глава 12. Аманда

Ладно. Он чертовски хорош. Сукин сын снял свою рубашку прямо у меня перед носом, демонстрируя себя, любимого, во всей красе. А демонстрировать было что – широкие плечи, бугрящиеся мышцы и канаты вен, опоясывающих руки при движении. Сама не знаю почему, но рисунки вен на мужских руках всегда меня впечатляли. Хотелось тут же пробежаться пальчиками по этим дорожкам, гадая, куда они смогут завести. У Рика они вели к кистям рук с длинными, сильными пальцами. Которые – как я уже знала – могли довести до сладкого исступления. И сейчас вместо того, чтобы смерить наглеца уничтожающим взглядом, я едва ли не облизываюсь на него.

Конечно, Рик уступает Андерсу. Андерс кажется настоящим здоровяком по сравнению с Риком. Охотник более стройный и поджарый, словно хищник, кидающийся вслед за добычей. Чёрт. Надо бы оторваться от созерцания сильного мужского тела, но глаза сами охотно разглядывают крепкую мускулистую грудь. Смуглая гладкая кожа так и манит прикоснуться к ней. Даже поперечные шрамы на груди, словно от когтей, несколько не портят впечатления. Похоже, что в своё время Рику перепало немало: один из шрамов белесой полосой спускается на живот, оканчиваясь возле впадины пупка. А чуть ниже – тонкая дорожка чёрных волос убегает

вниз и прячется в брюках. Нет... Это просто неприлично – так низко носить брюки, что видны все мышцы живота. Волнующе перекатываются под кожей при каждом вкрадчивом движении Рика.

Во рту вдруг становится сухо и тело наполняется жаром. Безумие какое-то. Вот так с одного взгляда смотреть на него и переполняться каким-то сладким предвкушением, тянущим низ живота. Я смотрю на Рика, но в голове проносятся странные картины: тёмный ночной лес, проблески луны сквозь густые ветки, цепляющиеся за одежду. Запах палой листвы и влажной земли...

Наваждение. Вот что это такое. Наваждение и следствие того, что я слишком много и часто раздумываю над смертью своей бабули. Как только разберусь, сразу же уеду из Вольфаха прочь. Уеду и больше никогда, никогда сюда не вернусь.

А тем временем Рик пожимает руку Андерсу и отходит назад. Андерс сразу же встаёт в стойку и подтягивает кулаки на уровень груди, чуть сутулится и наклоняет голову вперёд. Рик в противовес ему стоит расслабленно лишь немного раскачивается на кончиках пальцев ног. Немного вверх и опять вниз, словно на пружине.

Зеваки вокруг наперебой делают ставки. Фаворит у зевак – Андерс. Никто не хочет ставить на Охотника. По мнению собравшихся сушёная вобла не конкурент быку. Сравнение сомнительное, но деревенщины никогда не могли по-

хвастаться образным мышлением.

– Я посвящаю эту победу тебе, Аманда! – салютует мне Андерс своим кулачищем и оборачивается к Рику.

Я польщено улыбаюсь «наречённому» и шиплю в сторону мельника, принимающего ставки:

– Я ставлю на Охотника.

– Один против двадцати пяти, – сообщает мне он.

– Ставлю, – киваю я, а сама машу платочком Андерсу.

Через мгновение Андерс делает резкий шаг в сторону Охотника, выкидывая далеко вперёд правую руку. Неуловимое движение со стороны Охотника – он скользит назад. И кулак Андерса рассекает пустоту. Андерс вновь наступает. Со стороны Андерс напоминает мельницу – так сильно он размахивает руками.

В воздух взмывает то одна, то вторая рука. Охотник, словно играючи, успевает ускользнуть в самый последний момент. Андерс звереет оттого, что молотит воздух впустую и кидается вперёд, на манер деревенского бычка, наклонив голову сильно вперёд. Рикардо застывает на месте и резким выбросом левого кулака настигает цель: громко хрустит сломанный нос Андерса, а потом ещё один удар правым кулаком. И в воздух взметаются кровавые брызги. Андерс грузно оседает на землю.

Зеваки смолкли. Только что они подбадривали своего любимца, Андерса, а теперь смотрели на него, лежащего на подмёрзшей земле, и не могли поверить в случившееся. Потом

раздался одинокий хлопок в ладоши, его подхватил кто-то ещё, и вскоре толпа рукоплескала Охотнику. Даже проигравшие, сделавшие ставки на Андерса, признавали, что прогадали.

– И, между прочим, я даже не вспотел, – вальяжно заявил мне Охотник, натягивая на тело рубаху, стоя опять непозволительно близко ко мне и нахально всматриваясь мне в лицо своим тёмно-серыми глазами. Красивые губы изгибаются в чуть насмешливой улыбке.

– Верни мне мою шляпу...

Я словно просыпаюсь ото сна и надеваю шляпу ему на голову. Для этого приходится встать на цыпочки и на мгновение коснуться курчавых волос. Мягкие на ощупь. С удовольствием бы запустила в них пальцы, дёргая его лицо на себя. Чёрт. Прикусываю губы, мягким уколом боли прогоняя видения, в которых он нависает надо мной, наполняя собой мучительно медленно... Взгляд Охотника прикован к моим губам. От внимания Рика не ускользнул мой мгновенный прикус губы, в глубине его взгляда тёмным огнём разгорается предвкушение.

– Я победил. Значит, теперь я возглавляю твою маленькую экспедицию. И заявляю тебе прямо здесь, мне не нужны болваны, путающиеся под ногами.

– Ты слишком самонадеян, Рикардо. Может, ты и сломал нос Андерсу, но я своего согласия не давала.

– Парочку зубов.

– Что, прости?

– Я сломал красавцу не только нос, но выбил ещё парочку зубов. Кажется, передних. Увы, но в его возрасте они уже не отрастут. Придётся бедняге свистеть через дырки или заказывать зубные протезы у цирюльника.

Рик ухмыляется. И, чёрт подери, но мне кажется смешным то, что теперь у Андерса не будет хватать парочки зубов. Андерс мотает из стороны в сторону головой и харкает на землю красным. Я стараюсь смеяться не сильно громко, когда понимаю, что Рик лишил Андерса двух верхних передних зубов. Но не могу отделаться от мысли, что теперь Андерс больше напоминает беззубого старика и в один миг лишился последней капли своего обаяния, которого, к слову, было и без того мало.

Глава 13. Аманда

– И ленточку можешь оставить себе. Я люблю... красный, но вот эта ерунда мне ни к чему. И охотно бы взял в качестве приза что-нибудь другое.

Я поправляю капюшон на голове и мельком оглядываю охотника.

– С чего вдруг ты захотел помочь мне? Помнится, ты выставил меня из своего дома... дважды.

– Да. Но кто сказал, что на третий раз всё получится точно так же. Может быть, в этот раз я буду более радушным хозяином и покажу, насколько я могу быть гостеприимным.

– А может быть, ты оставишь при себе всю свою широту души и огромное... гостеприимство, ммм?

Я нарочно медленно обвожу Рика глазами и на мгновение касаюсь кончиком языка пухлых губ. Самую малость, едва заметное движение. Но Охотник замечает его и выражение лица меняется. На нём явственно читается предвкушение и желание... Я оглядываюсь по сторонам и, призывно улыбнувшись, маню Рика пальчиком. Он наклоняется, и я едва слышно говорю ему на ухо:

– Рикардо...

Голос томный, с чувственным придыханием. Мгновенная реакция не заставляет себя долго ждать: вижу, как сильно начинает пульсировать синеватая жилка на виске охотника.

– Не капай слюнями на моё платье... Оно слишком дорогое.

Охотник удивлённо моргает. Взгляд Рика выражает изумление, но тут же сменяется раздражением. О да, дорогой, держи ответную провокацию. Жуй и глотай, только не подавись. Я с довольным видом отдаляюсь от него, борясь с желанием пробежаться кончиками пальцев по длинным теням, падающим от чёрных ресниц на смуглую кожу. Я разворачиваюсь и неторопливым шагом покидаю площадь, слыша, как он кричит мне вслед:

– Тебе не поймать оборотня без меня!

Я, не оборачиваясь, машу ему рукой на прощание.

– Да ты даже не сможешь отличить следа волка от следа обычной блохастой псины!..

С моей стороны – тишина в ответ. Попытка была так себе, честно говоря. Кто сказал, что я сама собираюсь елозить носом по следам? Пффф...

Позади меня слышится звук шагов. До чёртиков хочется обернуться и убедиться в том, что это Рикардо нагоняет меня, но я сдерживаюсь изо всех сил. Мой шаг нетороплив, стоит лишь пересечь вот тот переулок, виднеющийся впереди, и я окажусь у почтового отделения. Возможно, идея, пришедшая мне в голову сегодня утром, окажется удачной...

Но едва я пересекаю границу переулка, как меня обхватывают сильные мужские руки и разворачивают. Рик с такой силой толкает меня к стене, что я клацаю зубами. Он вдав-

ликает меня в стену, закрыв своим телом путь к отходу.

– Не стоит провоцировать меня, – едва не рычит он мне в лицо.

Рик обхватывает мою шею, поглаживая нежную кожу большим пальцем, и нажимом пальцев с другой стороны заставляет склонить голову набок. Тотчас же шеи касаются его губы, проходя по коже горячо и влажно. Он вбирает кожу губами и едва ощутимо оглаживает её кончиком языка, вырисовывая неизвестные мне узоры. Поднимается выше, до самой мочки уха, прикусывает её на мгновение и зализывает место укуса. Не давая опомниться, вновь спускается к шее и чертит языком дорожку до ключиц, выступающих в выреze платья. Его жадные поцелуи наполняют меня пьянящим восторгом и диким желанием замереть в его руках, открыться и выгнуться навстречу чувственным касаниям, заставляющим гореть пламенем вожделения.

Из моих губ вырывается непрошенный стон. Рик дёргается на месте, словно его огрели кнутом по оголённой спине и нехотя отрывается от меня. Большим пальцем он оттягивает нижнюю губу вниз и приближается к моим губам. Медленно и неотвратно. Мои глаза сами закрываются, и я вся тянусь ему навстречу, встречая лишь... пустоту! Потому что этот гад резко шагнул назад. Я едва удержалась от позорного падения носом вниз, на мощённую булыжником улицу. Ноги вдруг оказались такими ослабевшими, словно Рик за несколько мгновений лишил меня собственной воли.

– Мы квиты, – ухмыляется Рик, озорно сверкая серой сталью глаз, – и что бы ты ни говорила, я нужен тебе в гораздо большей степени, чем ты мне. Хотя бы для того, чтобы удовлетворить горячую девчонку, голодную и охочую до ласки...

– Готова поставить всё выигранное золото на то, что окаменелость у тебя в штанах может поспорить с твёрдостью булыжников под твоими ногами. Советую тебе наведаться к шлюхам, Рик... Они охотно примут тебя.

Я заставляю себя шагнуть вперёд и, проходя мимо Охотника, бросаю небрежно:

– Что же касается меня, я давно научилась управляться с собственными желаниями.

Останавливаюсь:

– И что самое интересное, мне для этого требуется в два раза меньше времени, чем тебе...

А вот теперь можно уходить. Одна часть меня невероятно довольна собой, вторая – хотела бы остаться в тёмном переулке и послушно льнуть к Рикку, ласться к нему, словно кошка. Вот только этого мне не хватало...

Остаток дня проходит в хлопотах и на некоторое время я забываю о Рике. Но вечером я натыкаюсь на несчастного Андерса. С распухшим носом и выбитыми передними зубами. Под глазами наливаются фиолетовые синяки. Слова Андерса мне удаётся распознать с трудом. Он гнусавит и плохо выговаривает буквы. Бедняга переживает: завтра он не сможет

составить мне компанию, потому что чувствует себя отвратительно. Я злюсь. Неужели пара синяков – это предел его выдержки? Но потом замечаю, как странно он передвигается: его немного ведёт вбок, и он едва не врежется в дверной косяк, хватаясь за голову с лёгким стоном. А во всём виноват Рик!

Я распахиваю ставни на окне, чтобы впустить свежего воздуха и слышу недовольный стон.

– Чёрт, красотка, поаккуратнее с этим!

В оконном проёме появляется знакомая уродская шляпа Рика. Я стараюсь не подавать виду, что рада его видеть вопреки всему сумасбродству, творящемуся между нами с самого первого момента встречи.

– Что ты здесь делаешь? – я придаю голосу недовольный тон и натягиваю на себя халат, запахивая его.

– А ты как думаешь, зачем я здесь?

– Понятия не имею, но сейчас закрою ставни.

– На радость тебе, я мог бы сделать вид, что пришёл поглядеть на то, как ты удовлетворяешь себя.

Рик усмехнулся. Взгляд тёмно-серых глаза прошёлся по мне жаркой волной, не скрывая плотоядного интереса.

– Но... Я здесь не затем.

– Надо же. А вот сейчас ты меня удивил! Я уж подумала, что теперь ты будешь постоянно таскаться за мной, выклянчивая угощение.

Рик картинно изогнул бровь.

– Я – выклянчивать? Кажется, это ты в переулке едва не хлопнулась в обморок от парочки невинных поцелуев. Я даже боюсь предположить, сколько времени у тебя не было мужчины или насколько они были неспособными.

Вот гад! Я шагнула к окну и потянула за ставню.

– Постой! – выставил руку в сторону Рик.

– Убери руку или я отдамлю твои пальцы!..

– Ты хочешь найти тех, кто убил твою бабулю или нет? Кроме меня тебе никто не поможет. Все эти болваны либо слишком тупые, либо слишком медлительные.

– К твоему сведению, Рикардо, я сегодня отправила почтой запрос. Ты не единственный охотник в округе. И вполне возможно, что на счету кого-то ещё имеется убитый оборотень!

– С чего ты взяла, что это был оборотень? Потому что так сказал Отто? А ты видела, какой из него следопыт? Этот пентюх не сможет даже отыскать волка, пробежавшего по свежавыпавшему снегу!..

Увы, он был прав. Но иметь дело с таким несносным, высокомерным засранцем...

– Ага. И к твоему сведению последние пару слов ты произнесла вслух. Твой запрос, даже если будет успешен, займёт некоторое время. Вполне возможно, что к тому моменту будет уже слишком поздно и ты не успеешь поймать злоумышленников.

– Зачем это тебе? – чуть раздражённо спросила я.

– Я же сказал, Аманда, – терпеливо произнёс Рик тоном, словно говорил с маленьким, неразумным ребёнком, – мой лес – моя обитель. И для меня нет ничего хуже тупиц, нарушающих мой покой. Я помогаю тебе и забираю обещанное вознаграждение. Каждый получает что хочет, только и всего. Соглашайся...

– Ладно, – после секундного колебания ответила я.

– Отлично! Я зайду за тобой с первыми лучами солнца.

– Что?! Так рано?! Но уже поздняя ночь!

– Да-а-а-а, – довольно протянул Рик, – поэтому ты сейчас, как хорошая девочка, ляжешь спать и отдохнёшь как следует.

– Отлично, а теперь, будь добр, слезь. Я хочу закрыть ставни. Уже довольно холодно.

Рикардо сдвинулся вбок. Ставни захлопнулись с лёгким стуком.

– Эй, Аманда!.. – услышала я приглушённый голос Рика.

– Чего тебе ещё?

– Я соврал о причинах. На самом деле я всё ещё не оставляю надежды забраться к тебе под юбку и... Спокойной ночи!..

Глава 14. Аманда

Я всегда любила поспать. Для меня нет пытки большей, чем просыпаться ни свет ни заря, когда горизонт ещё сер и темён. Но чего не сделаешь ради любимой бабули... Светлая ей память. Немного поразмыслив, я решила не наряжаться и выбрала самый простой костюм из имеющихся у меня. Проблема в том, что даже это простое платье было слишком вычурно для Вольфаха. В итоге я плюнула на попытку выглядеть как средний обыватель захудалого городишки. Я не они, мне никогда не стать серой убогой мышью. Смирившись со своей венценосной участью, я собиралась спуститься позавтракать, но в деревянную ставню прилетел камень.

– Эй, Аманда... Спускай свою хорошенькую задницу как можно быстрее!

Да чтоб тебя, Рик! Не мог прийти на минут пять позже.

– Я ещё не успела позавтракать! – прошипела я ему в ответ.

Рикардо в ответ отсалютовал мне какой-то тёмной бутылкой с плескавшейся в ней жидкостью.

– Позавтракаешь в дороге, давай живее. У меня заканчивается терпение. Или я подгоню тебя дробью...

Чёрт. А с него станется. Этот сумасшедший в предрасветном сумраке сверкал глазами как дикий зверь. Я спустилась по лестнице бегом. Дядя Густав уже встал и даже успел

испечь первую партию пирожков: сейчас на столе от горы пирожков поднимался пар и по всей кухне разносился чудный аромат. Я наскоро накидала пирожков в маленькую корзинку и выбежала на крыльцо.

Гадкий охотник уже развернул свою лошадь. И сейчас она трусила мелкой рысцой в обратном направлении. Я едва не позеленела от злости: похоже, что Рик намеревался постоянно изводить меня. Но бежать вслед за ним я не собиралась. Я же не собачонка какая-нибудь.

Рикардо осадил лошадь и обернулся, хлопнув ладонью по крупу животного:

– Пошевеливайся, Аманда!

В ответ я махнула корзинкой с пирожками и, достав один из них, с удовольствием надкусила тёплого теста. В оболочке сдобного теста были подслащённые яблоки. Настолько сочные, что сок брызнул во все стороны.

Глава 15. Охотник

Девчонка и не думала шевелить своими изящными ножками в моём направлении. Нет, она перебирала ими. Но не торопясь, словно находилась на увеселительной прогулке. И ещё что-то жевала. А у меня в брюхе со вчерашнего дня не было ничего, кроме сидра. Внутри меня что-то голодно заурчало. Пришлось направить мою Ночку (так звали лошадь) к Аманде. Девчонка жевала пирожки с таким удовольствием на лице, что можно было её принять за самого счастливого человека на всём белом свете. Аманда надкусила пирожок ещё раз и ойкнула: сок потёк по губам и подбородку, даже пальчики девчонки запачкались в яблочном соке. Ничуть не смущаясь, Аманда отёрла лицо и облизала пальцы, состряпав притом невинную мордашку, будто бы не понимая, какую реакцию увиденное может вызвать у нормального мужчины. Мда...

– Пирожок? – улыбнулась соблазнительница.

Я спрыгнул с лошади. Девчонка невольно сделала шаг назад, смотря на меня смеющимися карими глазами. Лицо было свежее после сна, но губы – чуть припухшие и причёска несколько небрежная. Честно говоря, вот в таком виде она было чудо как хороша. И соблазнительно пахла свежей сдобой и яблоками. Я отёр большим пальцем капельку сока у неё под губой, борясь с желанием пробежаться по припух-

шим губам языком, вбирая в себя их вкус.

– Замарашка. Нет времени прохоложиваться.

Я подхватил девчонку за талию и усадил на лошадь, взобравшись сзади. Тепло её мягкого податливого тела приятно волновало кровь и отдавалось пульсацией в напряжённом члене. Путешествие с ней станет тем ещё испытанием...

– Пошла, Ночка!

Лошадь резво перебирала копытами. Одной рукой я удерживал вожжи, а второй всё же выхватил свежей выпечки, потому что жрать хотелось невероятно сильно.

– Держи!

– Я не накачиваюсь спиртным с раннего утра, – дёрнула в сторону нос Аманда от моей бутылки.

– Это обычный сидр, не креплённый...

– Ладно.

Девчонка всё же приложилась к бутылке, возвращая её мне.

И было во всём это что-то такое хрупкое, что хотелось заставить время остановиться, а мы бы двигались по кругу в заданной траектории. Тишина утра, мерный шаг лошади, тёплая выпечка и красotka впереди меня, от которой штормит сильнее, чем от ураганного ветра. А вкус её губ, выпачканных в яблочном соке, остался на стекле бутылки. И даже терпкому вишнёвому сидру было не по силам его не заглушить.

Глава 16. Аманда

Вопреки моим ожиданиям Рик направил свою Ночку (ну и имечко) не в лес, а по улицам города. Остановил её возле чёрного входа в оружейный магазин.

– Зачем мы здесь?

Рик проигнорировал мой вопрос, сердито шикнув на меня, налёг плечом на дверь, просовывая в образовавшуюся щель лезвие ножа.

– Готово! За мной и без лишнего шума!..

– В лавку тайком мне ещё не приходилось забираться!..

– Никогда не поздно попробовать что-то новое...

Мы оказались в тёмном коридоре. Рик схватил меня за руку и повёл в абсолютной темноте вслед за собой, сбил прикладом ружья замок, висевший на двери, и зашёл внутрь маленькой комнаты, выполнявшей роль склада. Не теряя ни минуты, Рикардо метнулся к полкам и развернул суму, болтавшуюся у него на плече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.